

УДК 94(47).084.3

В данной статье рассматривается опубликованный в газете «Нью-Йорк Трибьюн» цикл статей официального историка Американской администрации помощи Томаса Дикинсона, в котором описаны его впечатления от поездки в Советскую Россию на рубеже 1921—1922 гг.

Ключевые слова: Томас Дикинсон; Советская Россия; нэп; американская пресса.

This article considers series of articles published in «The New York Tribune»/ The author of these publications was Thomas H. Dickinson, a historian of the American Relief Administration, who described his impressions while travelling to the Soviet Russia in 1921—1922.

Key words: Thomas H. Dickinson; Soviet Russia; New Economic Policy; American press.

А. А. Русинов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: aleksand-rusinov@yandex.ru

Взгляд американского наблюдателя на Советскую Россию начала нэпа (1921—1922 гг.)

Научная статья

A. A. Rusinov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: aleksand-rusinov@yandex.ru

Soviet Russia at the Beginning of the New Economic Policy (1921—1922) through the Eyes of an American Observer

Scientific article

К началу 1920-х гг. Советская Россия фактически была страной, во многом закрытой для остального мира. Для отношений между РСФСР и капиталистическим миром (и США) была характерна враждебность, в результате чего Советская Россия оказалась в изоляции. Россию покинуло большинство иностранных корреспондентов и представителей крупнейших зарубежных изданий. В связи с этим сложилась ситуация, когда зарубежная пресса получала информацию о Советской России из вторых рук, причем нередко эта информация доходила до журналистов в виде слухов, проверить подлинность которых было затруднительно. Журналисты часто получали информацию о России, пребывая в соседних с ней странах. Большинство из них находилось в столице Латвии Риге, в связи с чем в журналистской среде появился термин «рижская фабрика слухов» [1, с. 72].

Американские правительственные круги также получали значительную часть знаний о Советской России из Риги, где в 1919 г. был

организован «пост прослушивания», где работали бывшие сотрудники американского посольства в Петрограде [2, с. 99]. Иностранные журналисты могли попасть в Россию лишь неофициально — как частное лицо, и на свой страх и риск пытались это делать.

Подобная ситуация не могла не отразиться на качестве получаемой информации. Особенности советско-американских отношений накладывали отпечаток на ее характер. Как писал либеральный журнал «Нэйшн», «Рассказы о Варфоломеевских ночах, которых никогда не было, в сочетании с дичайшими слухами об обобществлении женщин при коммунизме, убийствах и потоках крови, почерпнутые из невежественных скандинавских газет, поспешно распространяются в США» [3].

Аналогичные слова были напечатаны в «Нью-Йорк Таймс»: «На протяжении долгих лет из России не приходило ничего, кроме вызывающих ужас или негодование историй —

о массовых убийствах и массовом голоде, о старых порядках, которые были отринуты и заменены еще более худшими, о жестоком рабстве под личиной свободы, о тирании, притворяющейся властью народа» [4].

Во второй половине 1921 г. ситуация изменилась. Россия столкнулась с голодом ужасающих масштабов. Будучи не в силах справиться с ним самостоятельно, советское правительство обратилось за помощью к мировой общественности. В августе 1921 г. оно заключило в Риге договор о сотрудничестве с Американской администрацией помощи (далее — АРА), одной из наиболее крупных и влиятельных гуманитарных организаций в мире. Русскую миссию АРА можно считать своеобразным «открытием» Советской России для иностранцев. Вскоре после того, как был заключен Рижский договор, советские власти открыли доступ в РСФСР для иностранных журналистов, благодаря чему зарубежные наблюдатели официально получили возможность увидеть «страну большевиков» своими глазами. Среди них был официальный историк АРА Томас Дикинсон. Он прибыл в Россию в ноябре 1921 г. для сбора информации о голоде и находился там до начала 1922 г. Вскоре после его возвращения в Америку в газете «Нью-Йорк Трибьюн» была опубликована серия статей под названием «Россия в красной тени», где он описывал свое пребывание в Советской России.

Т. Дикинсон в своих публикациях отзывался о большевиках крайне нелицеприятно, так что, как указывал американский исследователь Б. Вейсман, АРА поспешила уверить советские власти, что не имеет отношения к его публикациям, ее взгляды не совпадают с его суждениями, а сам Т. Дикинсон больше не связан с АРА [5, р. 90].

Т. Дикинсон крайне негативно оценивал политику «военного коммунизма», считая ее одним из важнейших факторов разрухи в экономике и голода, хотя отмечал и сильные стороны большевиков. По его мнению, наиболее важными обязанностями любого правительства являлись стимулирование экономики и поддержание порядка. И если, по мнению Т. Дикинсона, экономическая политика большевиков была провальной, то в плане поддержания порядка они добились успеха, особенно если учесть напряженную обстановку того времени. Журналист отмечал: «Хотя советское правительство управляло

Россией с помощью фантазий и теорий, помимо этого оно управляло Россией сильной рукой, оно смогло установить и выполнять закон, а также вселить страх перед законом в сердца людей. При советском правительстве государственный механизм хоть и со скрипом, но работает <...> Вся энергия правительства направлена на поддержание своей власти, даже за счет жизни русского народа» [6, р. 4].

Т. Дикинсон высоко отзывался об охране правопорядка в Москве, указывая, что уровень безопасности там не ниже, чем в европейских столицах. Согласно его представлениям, для того, чтобы править русским народом, требовался особый набор качеств, которыми обладали цари из династии Романовых и большевики [6, р. 4]. И хотя он негативно относился к большевикам, все же сделал вывод, что в России им не было достойной альтернативы: если советское правительство падет, то ему на смену придет либо сила, которая по своим качествам не лучше большевиков, либо анархия [7, р. 1]. «Больше, чем контрреволюции, советское правительство боится анархии, и у всей Европы есть причины опасаться установления анархии в России», — отмечал Т. Дикинсон [6, р. 4].

В статьях Т. Дикинсона не могла не всплыть тема голода в России. И, наблюдая за ситуацией в городах, автор отмечал, что она не соответствовала существовавшим на его родине представлениям о голоде: «Мы представляли голод как панораму смерти. Это не так. Смерть скрывает себя. Голодные люди прячутся в своих норах. Мы думали, что в городах, которые находятся в пораженных голодом районах, еды не увидеть. Вероятно то, что в таком городе одновременно будет видно и изобилие еды. Со стороны тех, у кого наблюдается избыток бумажных денег, даже существует тенденция есть слишком много» [8, р. 1]. Настоящий же голод царил в деревне, где его было видно невооруженным глазом: «Здесь нет продуктовых магазинов, как в городе, которые искусственно создают достаток посреди нищеты народа. Каждый крестьянин обеспечивает себя из своих собственных запасов. Когда они опустеют, он и его семья голодают» [8, р. 4]. В результате, в связи с отсутствием достаточных запасов продовольствия, крестьяне начинали переходить на суррогаты.

В своих публикациях Т. Дикинсон отмечал, что при освещении голода в России за рубежом нередко всплывали истории о каннибализме.

Автор указывал, что не мог их подтвердить или опровергнуть на основе своего личного опыта, но подчеркивал, что видел достаточно для того, чтобы охарактеризовать голод как ужасающий [8, р. 4].

Помимо мнения и суждений Т. Дикинсона о большевиках, их политике и ужасах голода, его публикации содержат и впечатления об увиденном в России. Наиболее подробно журналист описал городскую жизнь, в первую очередь обветшалость, бедность и разруху. Наблюдая за людьми на улицах, он отмечал, что было сложно определить на глаз их социальное положение и достаток: «В старые дни ни одно другое общество не демонстрировало более четкой градации сословий от аристократа до мужика. Сейчас все выглядят одинаково бедно. Только безмерно богатые могут позволить себе новую одежду» [9, р. 4].

Т. Дикинсон понимал, что богатые существовали, но они не горели желанием выставлять свое богатство на всеобщее обозрение. Журналист отмечал, что во время его пребывания в России богатые одежды начали постепенно возвращаться в обиход. Их обладателями между тем были уже не прежние купцы и аристократы, а представители нового класса нэпманов, сделавшие себе состояние, когда советские власти официально разрешили свободную торговлю. Спекулянты принадлежали к числу тех немногих, кто жил в достатке.

Описание торговой жизни в России начала нэпа занимало Т. Дикинсона. Центром торговли ему представлялся городской рынок. Но он был не единственным местом, где она велась. В городах начали появляться небольшие магазины, в которых, по наблюдениям автора, продавались в основном кондитерские изделия и деликатесы; торговля была рассчитана на зажиточных покупателей [10, р. 1]. Активной была и уличная торговля. Как отмечал Т. Дикинсон, в некоторых местах обе стороны улиц были заполнены торговцами. Хотя автор допускал, что около половины из них могли заниматься торговлей и раньше, но, по его мнению, значительная часть этих людей были вынуждены торговать, чтобы сводить концы с концами [9, р. 4]. Мелкой торговлей занимались люди из разных сословий, в том числе и бывшие представители дворянства, которые нередко продавали свои личные вещи.

Торговля велась всюду, в связи с чем Т. Дикинсон иронизировал, что «революция, которая началась ради уничтожения торговли, превратила русских в нацию торговцев» [10, р. 4]. Вообще, в результате своих наблюдений Т. Дикинсон пришел к выводу, что «торговля в России <...> основана на парадоксе, согласно которому это не торговля в ее полноценном смысле, а просто круговорот старого хлама» [10, р. 4]. По его мнению, торговля в России начала нэпа напоминала перебрасывание гранаты между солдатами двух воюющих армий: солдаты старались как можно скорее избавиться от упавшей в их окоп гранаты, которая могла взорваться в любой момент. В результате существовала возможность того, что даже солдат, который ее бросил, мог подорваться на собственной же гранате, которую «вернули» расторопные враги. Аналогичной была торговля в России: держать длительное время большие накопления бумажных денег было небезопасно, но существовал также и риск невыгодно вложить средства.

Частная торговля в России была рискованным предприятием, а в предшествующий установлению нэпа период — еще и нелегальным. Однако на этой торговле вырос новый класс миллиардеров, многие из которых сделали свое состояние на спекуляции. И когда частная торговля была официально разрешена, спекулянты вышли из подполья, пополнив ряды нового класса нэпманов. Ситуация в стране постепенно подстраивалась под их появление — начали появляться заведения (например, рестораны), пользоваться услугами которых могли позволить себе только спекулянты [10]. В конечном итоге Т. Дикинсон выделял своеобразную градацию «зажиточности» в России начала нэпа: лучше всех себя чувствовали комиссары и те, кто был с ними связан; за ними шли спекулянты; затем были посредники и поставщики; потом шли те, кто постепенно продавал свою собственность, чтобы поддерживать себя на плаву; на низшей ступени были те, у кого не осталось ничего, так как все было уже продано [10, р. 4].

По мнению Т. Дикинсона, нововведения нэпа дали лишь некоторым возможность законно разбогатеть. Большинству людей нэп дал не возможности, а проблемы. В качестве примера он приводил руководителей небольших театров: раньше они находились на правительственном

содержании, но после начала нэпа им пришлось вести дела самостоятельно, за счет своих средств, и выплачивать большие налоги [11, р. 1]. Таким образом, хотя нэп действительно дал пространство для частной инициативы, автор все же делал вывод, что для массы населения первоначальным результатом новой политики будет ухудшение их положения.

В публикациях Т. Дикинсона присутствовали разные наблюдения о жизни в России. Иногда там встречались и краткие упоминания о совершенно незначительных деталях быта, таких как, например, распространенном в России обычае грызть семечки подсолнуха, что он сравнивал с жеванием жевательной резинки в Америке [8, р. 4]. Описал он и свои впечатления об изменениях института брака в послереволюционной России, отметив упрощение процесса бракосочетания и развода: «Не требовалось никаких церемоний. Нужно было просто прийти к комиссару и подписать документы о согласии. Настолько же простым был и развод. Можно было на следующий день прийти к другому комиссару и получить документы о расторжении [брака]. При этом не было обязательным, чтобы женщина была осведомлена об этом» [12, р. 1]. В результате у Т. Дикинсона сложилось впечатление, что большинство молодых женщин в возрасте от 20 до 25 лет находятся замужем. По его мнению, в Советской России вступление в брак стало настолько обыденным явлением, что, возможно, для молодой женщины было позорно обречь себя на участь старой девы.

Интерес Т. Дикинсона коснулся и дорожного движения. По его наблюдениям, оно отличалось беспорядком и хаотичностью: «На дорогах нет правил, пешеходы ходят по улице, как по полу у себя дома, они чем-то озабочены. Автомобили гремят, водители щелкают хлыстами и издают протяжный предупреждающий вой, пешеход отскакивает к тротуару» [9, р. 4]. Автомобилей было немного, но автор отмечал, что обычно они ехали «на очень высокой скорости, забрызгивая толпы людей грязной водой из луж» [9, р. 4]. Во время одной из поездок автомобиль, на котором он ехал, едва не сбил женщину и ребенка [9, р. 1].

Материалы Т. Дикинсона касаются главным образом повседневной жизни, но в то же время содержат не только его личное мнение о действиях советского руководства и новой экономической политике, но и бытописание, анализ социально-культурной ситуации, что, безусловно, представляет интерес, так как позволяет показать взгляд на Россию периода начала нэпа со стороны иностранца.

Ссылки

1. Хмелевская Ю. Ю. О некоторых аспектах конструирования образа России первых лет советской власти в общественном мнении США (по материалам американской прессы) // Институциональные проблемы российского социума: правовой и исторический аспекты: Труды научно-специализированной конференции преподавателей вузов, ученых и специалистов (7 июня 2010 г.). Челябинск, 2010. С. 68—76.
2. Дэвис Д. Д., Трани Ю. П. Кривые зеркала: США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М.: Вагриус, 2009. 912 с.
3. The Nation. 1919, March 1. Vol. CVIII, No. 2800. P. 313.
4. New York Times. 1922. June 29.
5. Weissman B. Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia 1921—23. Stanford, 1974. 247 p.
6. Dickinson T. H. Russia in the Red Shadow. Chapter I // New York Tribune. 1922. April 3.
7. Dickinson T. H. Russia in the Red Shadow. Chapter XV // New York Tribune. 1922. April 17.
8. Dickinson T. H. Russia in the Red Shadow. Chapter II // New York Tribune. 1922. April 4.
9. Dickinson T. H. Russia in the Red Shadow. Chapter IV // New York Tribune. 1922. April 6.
10. Dickinson T. H. Russia in the Red Shadow. Chapter VIII // New York Tribune. 1922. April 10.
11. Dickinson T. H. Russia in the Red Shadow. Chapter XI // New York Tribune. 1922. April 13.
12. Dickinson T. H. Russia in the Red Shadow. Chapter V // New York Tribune. 1922. April 7.